

Глава 1

*Ноттингемшир,
осень 1819 года*

Джентльмен в черном свернул в коридор, Шарлотта Хайвуд последовала за ним. Украдкой, конечно. Совсем ни к чему, чтобы кто-нибудь ее увидел.

Девушка услышала шелчок дверного замка, донесшийся из глубины коридора, с левой стороны. Там находилась дверь, которая вела в библиотеку сэра Вернона Паркхерста, если она правильно помнит.

На какое-то время Шарлотта спряталась в нише, продолжая мысленно спорить сама с собой.

По строгим меркам высшего английского общества, она относилась к молодым особам совершенно непримечательным. Нарушить уединение маркиза, которому ты даже не представлена, — это дерзость. Дерзость неслыханная! Но уж лучше так, чем провести еще один год в скандалах.

Издалека, из бального зала, послышалась музыка. Первые такты кадрили. Если приступить к действиям, то сейчас самое время. Заторопившись, чтобы не оставлять себе времени на раздумья, Шарлотта на цыпочках

направилась по коридору и, добравшись до двери, нащупала ручку.

Дочерям, у которых отчаянные матери, тоже приходится быть отчаянными.

Когда Шарлотта открыла дверь, маркиз поднял голову и посмотрел на нее. Он был один, стоял по другую сторону письменного стола.

И показался ей самым совершенством.

Под совершенством она не подразумевала красоту. Хотя маркиз был очень хорош собой — высокие скулы, квадратный подбородок и нос настолько прямой, что казалось, будто Господь, лепив его, пользовался линейкой. В нем все говорило о совершенстве: осанка, манера держаться, волна черных волос. Ощущение властной уверенности заполняло окружающее пространство.

Несмотря на волнение, Шарлотте вдруг стало любопытно. Ведь никто не идеален. У всех есть изъяны. Когда недостатки не видны на поверхности, они, должно быть, прячутся где-то в глубине.

Загадки всегда привлекали ее.

— Не тревожьтесь. — Шарлотта прикрыла за собой дверь. — Я пришла спасти вас.

— Спасти? — Звучание его низкого бархатного голоса было сродни прикосновению лайковой перчатки к обнаженной коже. — От чего?

— О, много от чего! Прежде всего от переживаний и разочарования. Но и поломанные кости не стоит сбрасывать со счетов.

Маркиз задвинул ящик стола.

— Мы знакомы?

— Нет, милорд. — Шарлотта с запозданием вспомнила, что нужно сделать реверанс. — Тем не менее мне известно, кто вы. Да это всем известно. Вы Пирс Брэндон, маркиз Гренвилл.

— По результатам последней переписи это именно так.

— А я Шарлотта Хайвуд. Из Хайвудов, которых вам нет причины знать, если только вы не читаете газетенку «Пратлер». А вы наверняка ее не читаете.

«Господи, уповаю на это!»

— Одна из моих сестер — виконтесса Пейн, — продолжала она. — Вы могли слышать о ней. Виконтесса увлекается камнями. А моя мать — сущее наказание.

Последовала пауза, и маркиз наклонил голову:

— Очаровательно!

Шарлотта чуть не рассмеялась. Никакой другой ответ не мог прозвучать менее искренне. Вот уж действительно — «очаровательно». Хотя «кошмарно» было бы по-настоящему правдивым ответом, но маркиз оказался слишком хорошо воспитан, чтобы сказать такое.

И словно в подтверждение своих безупречных манер, он сделал жест в сторону диванчика, приглашая ее присесть.

— Спасибо, нет. Мне нужно вернуться в зал до того, как мое отсутствие заметят, и я не могу позволить платью помяться. — Шарлотта разгладила нежно-розовые юбки. — Я не хочу навязываться. И планировала сказать вам только одно. — Она нервно сглотнула. — У меня нет ни малейших намерений выходить за вас замуж.

Холодно и крайне внимательно маркиз оглядел ее с головы до ног.

— Похоже, вы ожидали, что я испытаю облегчение.

— Ну... да. Как и любой джентльмен на вашем месте. Видите ли, моя матушка печально известна своими попытками вытолкнуть меня на дорогу перед титулованными джентльменами. Вы, наверное, уже слышали выражение «отчаянная дебютантка»?

О, как она ненавидела само звучание этих слов! Весь сезон они преследовали ее, как отравленное удушающее облако.

Этой весной, в первую неделю после их с матерью приезда в Лондон, они гуляли в Гайд-парке, наслаждаясь прекрасным днем. Неожиданно мать увидела графа Остина, скакавшего верхом по Роттен-Роу. Жаждающая только того, чтобы подходящий джентльмен обратил внимание на ее дочь, миссис Хайвуд вытолкнула девушку на дорогу. Ничего не подозревавшая Шарлотта упала в грязь, мерин графа вскинулся на дыбы, и в результате столкнулись по меньшей мере три экипажа.

В следующем номере «Пратлера» появилась карикатура, изображавшая молодую особу, весьма напоминавшую Шарлотту Хайвуд, которая, босая и с расстегнутым корсажем, выскакивает на проезжую часть. Подпись гласила: «Опасность в весеннем Лондоне — отчаянная дебютантка».

И все! Ее объявили скандальной особой.

Хуже того — угрозой общественному спокойствию. До конца сезона ни один джентльмен даже близко не подошел к ней.

— А, — сказал маркиз, судя по всему, сложив в уме одно с другим. — Так это из-за вас Остин стал хромым.

— То был несчастный случай, — съежилась Шарлотта. — Но как ни больно признавать, существует вероятность того, что моя мать на этот раз подтолкнет меня к вам. Заранее хочу предупредить — не беспокойтесь. Никто не рассчитывает, что ее махинации увенчаются успехом. Меньше всего я. Это просто какой-то абсурд! Вы маркиз, влиятельный, богатый, красавец...

«Красавец? Шарлотта, ты с ума сошла!»

Зачем? Зачем она сказала это вслух?

— А мой уровень — третий сын, паршивая овца в каком-нибудь несчастном семействе, — заторопилась девушка. — Не говоря уже о разнице в возрасте. Вряд ли вы подыскиваете себе совсем юную особу, чтобы получилась партия из, фигурально выражаясь, нежного мая и седого декабря. Хотя скорее это будет... июнь—октябрь. И даже не октябрь. Июнь — конец сентября. Ни днем позже Михайлова дня*. — На мгновение Шарлотта закрыла лицо руками. — Несу какую-то околесицу, правда?

— Похоже на то.

Она подошла к диванчику и опустилась на него. Шарлотта решила, что, в конце концов, может и сесть.

Маркиз вышел из-за стола и устроился на его уголке, твердо упершись одной ногой в пол.

«Пора с этим заканчивать», — сказала она себе.

— Я ближайшая подруга Делии Паркхерст. А вы — знакомый сэра Вернона. Мы оба будем гостить в этом

* Михайлов день — отмечается католической церковью 29 сентября. — *Здесь и далее примеч. пер.*

доме следующие две недели. Моя матушка сделает все возможное, лишь бы только наладить с вами отношения. Это означает, что нам нужно придумать, как избегать друг друга. — Шарлотта улыбнулась, пытаясь выглядеть легкомысленно. — Всеми миру известно, что мужчина с титулом и состоянием должен держаться от меня подальше.

Маркиз не засмеялся. Даже не улыбнулся.

— Это... Это была шутка, милорд. Строчка из романа...

— «Гордость и предубеждение». Да, я читал.

Ну конечно! Конечно, читал. Он несколько лет провёл на дипломатической службе за границей. После падения Наполеона участвовал в подписании Венского договора. Гренвилл опытный, образованный, наверняка владеет дюжиной иностранных языков.

Шарлотта не могла похвастаться многими из тех свойств, которые в обществе считались достоинствами. Но у нее имелись другие положительные качества. Она была доброй и прямой, умела посмеяться над собой. В разговоре с ней собеседники чувствовали себя непринужденно.

Данные качества — вообще-то довольно скромные — сейчас вдруг перестали помогать Шарлотте. Маркиз Гренвилл казался напряженным, взгляд его голубых глаз был пронзительным. Разговор с ним напоминал беседу со скульптурой из льда. И девушка пока не придумала способа, как согреть этого джентльмена.

Пусть и глубоко внутри, но должен же он быть обычным человеком из плоти и крови.

Шарлотта искоса посмотрела на него, пытаясь представить, как маркиз выглядит в минуты отдыха. Как вольготно он устраивается в мягком кожаном кресле, закидывает ноги в сапогах на стол. Сюртук и жилет измяты, манжеты расстегнуты, рукава закатаны до локтей. Он читает газету, время от времени потягивая бренди из бокала. Легкая щетина покрывает этот изысканно вылепленный подбородок, а его густые черные волосы виднеются в...

— Мисс Хайвуд!

Она вздрогнула.

— Да?

Гренвилл наклонился к ней и понизил голос:

— Могу сказать по собственному опыту, что кадрили — хоть иногда и производят впечатление бесконечных — все равно когда-нибудь заканчиваются. Поэтому вам лучше бы вернуться в бальный зал. И мне — тоже.

— Да, разумеется. Вы можете выждать минут десять, а потом пойти за мной. Тогда у меня будет время выдумать причину, чтобы вообще уйти с бала. Может, сошлюсь на головную боль. О, но у нас ведь впереди еще целых две недели! С завтраками все просто. Джентльмены обычно завтракают рано, а я всегда встаю позже десяти. В течение дня вы, конечно, будете заниматься спортом с сэром Верноном, а я вместе с другими дамами примусь за письма и прогулки по саду. Так можно выиграть несколько дней. Однако завтра состоится ужин... Боюсь, очередь за вами.

— Очередь за мной?

— Сослаться на недомогание. Или придумать какой-нибудь план. Я ведь не могу жаловаться на головную боль каждый вечер, пока мы здесь.

Маркиз подал ей руку, и Шарлотта приняла ее. Затем он помог девушке подняться, и она оказалась в непосредственной близости от него.

— Вы уверены, что не имеете на меня никаких видов? А то вы уже, судя по всему, принялись составлять мое расписание, словно мы женаты.

Шарлотта рассмеялась.

— Ничего подобного, поверьте мне. Не важно, на что надеется моя мать, я не разделяю ее намерений. Из нас получилась бы кошмарная пара. Я слишком молода для вас.

— Да, вы ясно это обозначили.

— И вы — образец пристойности.

— А вы здесь... И одна.

— Совершенно верно. И мое сердце открыто, а ваше явно...

— ...на своем обычном месте.

Шарлотта не исключала, что оно погребено где-то за Полярным кругом.

— И главное, милорд, у нас нет ничего общего. Мы были бы словно два незнакомца, живущие в одном доме.

— Я маркиз. У меня пять домов.

— Но вы ведь поняли, о чем я, — заметила мисс Хайвуд. — Это обернется настоящей катастрофой во всех отношениях.

— Существование, отмеченное скукой и пронизанное страданием.

— Вне всякого сомнения.

— Придется выстраивать наши отношения на сексуальном согласии.

— Э... Что?

— Я говорю о занятиях любовью, мисс Хайвуд. По крайней мере эту малость вполне возможно вынести.

Краска залила всю шею и лицо Шарлотты.

— Я... Вы...

Пока она пыталась преодолеть внезапное онемение, на лице маркиза промелькнула улыбка.

Неужели это возможно? Лед тронулся?

У нее вдруг стало легче на душе.

— Вы издеваетесь надо мной, милорд.

Гренвилл пожал плечами в знак согласия.

— Вы первая начали.

— Ни в коем случае!

— Обозвали меня старым и неинтересным.

Шарлотта сдержала улыбку.

— Вы же понимаете, что я говорила не об этом.

О господи! Не может быть! Если бы заранее было известно, что он способен вот так поддразнивать и что над ним можно подшучивать в ответ, маркиз показался бы ей куда как более привлекательным джентльменом.

— Мисс Хайвуд, я не тот человек, которого можно заставить сделать что-нибудь против воли. Не говоря уже о том, чтобы жениться. Когда я служил дипломатом, то имел дело с королями и генералами, деспотами и сумасшедшими. С какой стати вы поверили в то, что я могу пасть под натиском какой-то мамыши, которая жаждет выдать свою дочь замуж?

Шарлотта вздохнула.

— С той, с которой вы пока не встречались, с моей матушкой.

Как заставить его осознать всю серьезность ситуации?

Лорд Гренвилл ничего не знал — да ему наверняка было бы все равно, узнай он это, — но для Шарлотты существовало нечто более важное, чем слухи и пасквилы в скандальных журналах. Вместе с Делией Паркхерст она рассчитывала целиком пропустить следующий лондонский сезон ради поездки в Европу. Девушки уже все распланировали: шесть стран, четыре месяца, две лучшие подруги, одна на двоих исключительно снисходительная компаньонка. И абсолютно никаких надоедливых родителей.

Однако перед тем как начать паковать чемоданы, им нужно было добиться разрешения. Этот осенний загородный прием давал Шарлотте шанс доказать сэру Вернону и леди Паркхерст, что слухи на ее счет — полная чушь. То, что она не какая-то нахальная охотница за приданым, а девушка воспитанная, приличная и верная подруга, которой можно доверить сопровождать их дочь в длительном путешествии.

Шарлотта не могла позволить себе провалить испытание. Делия очень рассчитывала на нее. Подруга не перенесет, если все их мечты снова потерпят крах.

— Пожалуйста, милорд. Если бы вы только согласились...

— Тихо!

В один миг весь облик маркиза преобразился. Холодность и аристократизм вдруг сменились сильным беспокойством, когда он кивнул в сторону двери.

Шарлотта тоже слышала. Шаги в коридоре. Приближавшиеся шаги.

И приглушенные голоса. Прямо за дверью.

— О нет! — выдохнула мисс Хайвуд в панике. — Нельзя, чтобы нас застали вместе.

Стоило ей произнести эти слова, как по библиотеке словно пронесся смерч.

Шарлотта даже не поняла, что произошло.

Гром? Молнии? Только она почему-то оказалась в объятиях маркиза.

Девушка в ужасе смотрела на поворачивающуюся со скрипом ручку двери. А в следующий момент уже стояла на диванчике в оконной нише, скрытая за тяжелыми бархатными портьерами.

Ее грудь прижималась к груди лорда Гренвилла.

Мужчины, которого Шарлотта собиралась избегать любой ценой.

«О господи!»

Она стискивала лацканы его сюртука, а он крепко обнимал ее. Его руки легли ей на спину. Одна на уровне талии, другая между лопаток. Перед глазами у Шарлотты оказался его белоснежный галстук.

Несмотря на неловкость ситуации, она поклялась себе, что не пошевелится и не издаст ни звука. Если их обнаружат в такой позе, Шарлотта Хайвуд погибла. Мать запустит свои когти в лорда Гренвилла и больше не отпустит его. Так и будет, если только сначала Шарлотта не испустит дух.

Тянулись томительные секунды, все больше и больше казалось, что их вот-вот обнаружат.

В комнату вошли двое и не стали терять времени понапрасну.

Звуки, которые они издавали, были едва слышны. Приглушенное хихиканье и шуршание материи.

Сквозь шторы проник густой, резкий запах духов.

Мисс Хайвуд подняла глаза, пытаясь увидеть в темноте реакцию маркиза. Он смотрел прямо перед собой, вновь бесстрастный, как ледяная скульптура.

— Ты думаешь, он заметил? — пробормотал мужской голос.

В ответ раздался хриплый женский шепот:

— Тшш. Давай быстро.

Ужас распространялся в груди Шарлотты.

Через пару мгновений это чувство усилилось, когда слышались хлюпающие звуки.

«Пожалуйста, — мысленно взмолилась она, зажмуриваясь изо всех сил. — Пожалуйста, пусть это будет не то, о чем я подумала».

Ее молитвы не были услышаны.

Звуки приобрели ритмичность. К ним присоединилось поскрипывание в том же темпе, которое, как показалось Шарлотте, могло исходить только от стола. На него налегали с силой. И только она заставила себя привыкнуть к этому ужасу, как... Как началось хрюканье.

«Все-таки человеческое тело — странная штука, — подумала Шарлотта. — Люди могут опустить веки, чтобы избавиться от надоевшей картины перед глазами. Могут сомкнуть губы, чтобы избежать неприятного вкуса. Но уши не обладают способностью самостоятельно избавиться от ненужных звуков».

Уши можно только заткнуть. Для этого необходимы руки, но она не могла позволить себе пошевелиться. Диванчик под окном был слишком узким. Даже незначительное движение задело бы шторы, и они разошлись бы в стороны.

Так что выбора у нее не было, приходилось слушать все это. Хуже того — понимать, что лорд Гренвилл тоже вынужден слушать. И, должно быть, как и Шарлотта, различает каждый скрип стола, каждое хрюканье. Каждое пыльное стенание.

— Ах!

Хрюк.

— О!

Хрюк.

— Ааа!

«Боже правый! Эта женщина получает удовольствие или повторяет вслух гласные родного языка?»

Шарлотту начал душить смех. Она попыталась сдерживать приступ, затем задышала чаще, чтобы избавиться от него. Безуспешно! Должно быть, это чисто нервное или от ощущения полнейшей нелепости, в которой она оказалась замешана. Но чем больше Шарлотта уговаривала себя не смеяться — ведь на кону ее репутация, поездка с Делией, все ее будущее, — тем сложнее было сдерживаться.

Она закусила щеку, потом крепко сжала губы в отчаянной попытке обуздать себя, но, несмотря на все усилия, ее плечи судорожно затряслись.

Движения любовников ускорились, скрип стола заглушил пронзительный, какой-то собачий скулеж. Невидимый мужчина вдруг издал горловое рычание: